Путь одиночки

Автор:
Никас Славич

Путь одиночки

Никас Славич

Мирослав – самородок из отдалённого села в Приморском крае. Он не знаком с современными технологиями, новомодными веяниями в искусстве, но обладает разносторонними талантами – рисует, пишет книги и поёт. Ему предстоит до конца пройти путь одиночки – путь истинного таланта среди тех, кто в погоне за прибылью забыл о своём даре. Но всё же ему удастся встретить свою судьбу.

Пролог

– Так, кто там у нас ещё остался из соискателей? – сердито спросил Борис. – Заканчивать пора, и на банкет.

– Некий Мирослав Корнев, – проворчал угрюмый Сергей.

– Это ещё что за имечко? Или псевдоним? – язвительно поинтересовалась Марина.

– Судя по паспортным данным, его так и зовут, – Сергей устало и лениво смотрел на рукопись, ему, равно как и другим сидящим за столом, уже надоела обязанность знакомиться с произведениями участников конкурса. Но раз уж решили выступить в качестве жюри, приходилось терпеть – ведь за это им обещали банкеты и поощрения.

– Интересно, в какой же деревне такие имена ещё сохранились? – пока Марина произносила эти слова, её лицо выражало скорее отвращение, чем любопытство.

– Обратный адрес стоит «село Лазо, Приморский край», – Сергей ближе придвинул стопку распечатанных листов, рассматривая данные автора. – И, судя по фото, это типичный деревенский паренёк.

– Я смотрю, в писатели в последнее время лезут вообще все, неважно, есть у них филологическое образование или нет, – Борис сердито сдвинул брови и зачем-то подкрутил левый ус.

– И про что же пишет сей самородок? – Марина устало откинулась на спинку удобного стула, слушая собеседников вполуха.

– Если честно, я осилил только половину романа и ещё немного, – Сергей протянул несколько листов собеседнице, но та не взяла их в руки. – Итак, это произведение о жителях их села, отстаивающих памятники архитектуры, ведь вместо них кто-то собрался строить современные особняки. Где-то ближе к середине романа сельчане добиваются того, чтобы сохранить древние дома, но не собираются останавливаться на этом, настаивая на создании в своём крае такого органа власти, как народное вече…

– О боже, – Борис закатил глаза, – какой архаизм всё ещё существует в двадцать первом веке…

– Я тоже об этом подумал, когда дочитал до этого места. Дальше мне стало неинтересно. Сюжет, если честно, никакой.

– И плагиат к тому же на «Аватара», – высказала свою мысль Марина, вызвав тем самым удивлённые взгляды мужчин. Она сделала выразительную паузу, прежде чем объяснить: – В фильме ведь тоже жители Пандоры отстаивают свои древние традиции и добиваются определённого успеха. Только в кино масштаб галактический, а тут – сельский, потому и неинтересно. Неужели это кто-то собрался публиковать?

– Как ни странно, да, – кивнул Сергей, – какое-то мелкое издательство выпускает серию про жизнь в глубинке. Но даже если сей роман и напечатают, у него нет никаких шансов на нашу премию.

– Естественно, с таким сюжетом я не собираюсь присуждать ему приз – даже поощрительный, – решительно заявила Марина.

– Вот на этом и закончим, а то всё без нас съедят и выпьют, – подытожил Борис, поднимаясь из-за стола и не обращая внимания на то, что задел и уронил листы с рукописью.

Никто из уходящих участников жюри, представителей литературной элиты не потрудился поднять с пола отрывки из произведения, которое лишь спустя много лет станет классикой литературы. И лишь уборщица, зашедшая через полчаса, сначала поворчала, а затем заинтересованно взяла в руки упавшую распечатку романа. Она со слезами на глазах вспомнила свою прежнюю жизнь в подмосковном селе, прежде чем решила поселиться в столице. С тёплой ностальгией и щемящей грустью в сердце она села читать роман.

Глава первая. Писатель

…Вдохновение Мирослав искал в природной стихии. Каждый день в свободное время, как правило, вечером, он уходил за пределы своего родного села Лазо, сворачивал с просёлочной дороги и гулял в тайге. Там он шёл всё время разными путями, но всякий раз так или иначе выходил к речушке Пасечной. Там Мирослав, тридцатилетний мужчина с лёгкими, первыми проблесками седины в рыжеватых волосах, разувался, присаживался на самой кромке берега и, побалтывая ногами в прозрачной воде, обдумывал сюжет очередного произведения – рассказа, повести или романа, это уж как получится. Иногда он брал с собой стопку листов и небольшую ручку, а затем записывал всё, что подарило вдохновение, прямо там, на берегу, вслушиваясь в спокойное, плавное течение воды и мягкий шелест листьев в кронах, колеблемых лёгким ветром. Несмотря на близость тайги, Мирослав ничуть не боялся хищных зверей; он любил местную природу, и знал, что без особой причины ни тигр, ни медведь нападать на человека не станут.

Острое зрение позволяло Мирославу писать увлечённо, не замечая сгустившихся сумерек. Но, едва совсем темнело, он лёгким движением поднимался и прямо так, не обуваясь, возвращался домой с ботинками в одной руке и рукописью в

другой. Ему нравилось чувствовать прикосновения трав, камешков, корней деревьев к своим стопам, он словно сливался с природой в эти моменты. Немногочисленные вечерние гуляки из местных поначалу косо посматривали на босого мужчину, идущего домой, но затем привыкли и не обращали особого внимания на его чудачества.

С ранних лет для Мирослава лучшим занятием стало искусство. Будучи мальчиком, он имел нежный дискант, и он хорошо пел; после ломки сформировался сочный баритон. Рисование тоже удавалось ему. Но больше всего привлекало сочинительство: в голове постоянно мелькали образы, и он хватался за них, с интересом описывая персонажей, их поступки. Свой первый рассказ Мирослав написал в двенадцать лет, и с тех пор всегда старался уделить время писательству. Правда, был в его жизни и мрачный период, когда стало совсем не до творчества: его родители однажды не вернулись домой. Пятнадцатилетний подросток с ужасом в сердце услышал на следующий день новость о том, что автобус, на котором они ехали домой из Находки, перевернулся. Выжить удалось немногим, и родителей Мирослава среди счастливчиков не оказалось. Как выяснилось, водитель находился в нетрезвом состоянии, и с той поры юноша возненавидел пьянство и алкоголь.

Подростку, с трудом пережившему горе, пришлось не только спешно доучиваться в школе, но ещё и работать по вечерам, чтобы хоть как-то выжить в одиночестве. Мирослав в те годы был угрюмым и мрачным; его не интересовали молодёжные развлечения. Он ходил по окрестностям каждый вечер, выискивая работу – кому дров наколоть, кому ещё чем подсобить. Благо, силой его природа не обделила.

…А потом была трудная служба в армии, пришедшаяся как раз на тяжёлые годы перед новым тысячелетием. Мрачность новобранца сразу стала причиной для ненависти как среди ему подобных зелёных юнцов, так и в кругу офицеров. Все два года службы в Биробиджанской военной части, куда его определили, над Мирославом издевались как могли: часто били его, давали наряды вне очереди, заставляли выполнять тяжёлую и грязную работу. Лишь с трудом преодолев всё это и отслужив, парень узнал, что его, сироту, по идее, не должны были сразу отправлять в армию, но кто-то в военкомате совершил ошибку, проверяя документы.

Вернувшись в родное село, он обнаружил дома запустение. Повсюду скопилась пыль, паутина красовалась в каждом углу. Но, привыкнув к уборке во время

военной службы, Мирослав быстро сумел навести дома порядок. Хорошо ещё, что жители Лазо, знавшие его родителей, не дали разграбить дом.

За несколько лет траура и унижения парень вовсе позабыл о радостях творчества. Но что-то в его душе просилось, рвалось наружу, а успокоения в родных стенах Мирослав найти не мог. Тогда он впервые отправился в ближайший лес, чтобы успокоиться. Вот так, в двадцатилетнем возрасте, уже возмужавший Мирослав ощутил таинство единства с природой. Гуляя по березняку и вдыхая свежий воздух, парень почувствовал, как печали и горести отходят на второй план; как истаивает злость на людей, так жестоко обращавшихся с ним; как постепенно приходит умиротворение, а следом за ним – и вдохновение. Слова и мысли складывались в предложения, и Мирослав постарался их запомнить. Вернувшись домой, он первым делом записал их на бумаге, и получился пронзительный рассказ – исповедь отслужившего в армии о том, что вместо благородного дела защиты своей Родины ему пришлось два года драить полы и чистить унитазы.

Так, постепенно, Мирослав возвращался к искусству. Конечно, ему пришлось сперва устроиться на работу – снова подсобную, то дворником, то грузчиком или косарем. Другого труда, впрочем, особо и не существовало в их небольшом селе, где с каждым годом становилось всё меньше жителей…

Но всякий раз, пусть даже вымотавшись на работе, Мирослав вечером отправлялся на природу. Только там он и радовался жизни, улыбаясь широко и открыто, только там он и пел песни собственного сочинения, писал рассказы, читал свои стихи и запоминал пейзажи для будущих картин – краски, холсты и мольберт удалось купить не сразу.

Всё это он создавал пока что для себя, для отдохновения души, чтобы отвлечься от мрачных мыслей. Показать другим боялся: вспоминая, как иногда жестоки бывают люди, Мирослав не желал открывать своего дара. Не хотел он насмешек и критики, да ещё опасался, что кто-нибудь пьяный ворвётся в его дом да уничтожит все рукописи и созданные картины. Такое уже случилось однажды, не с ним, с его мамой, которая тоже любила рисовать. Она рассказала сыну, как однажды пьяная компания оказалась рядом с домом. Подвыпившие стали стучать в дверь и требовать денег; жила она тогда в одиночестве, и потому боялась открывать незнакомым, агрессивно настроенным мужчинам. Тогда, не дождавшись желаемого, они стали крушить всё, что находилось на террасе дома, в том числе и нарисованные ею картины…

Друзей и знакомых у Мирослава особо не было, но Корнев привык к одиночеству, свыкся и сжился с ним. Другие работники, вместе с ним расчищавшие улицы или разгружавшие товары из фургона в магазин, не общались с замкнутым в себе мужчиной, к тому же непьющим.

Родственников, живущих в Лазо или ближайших окрестностях, не осталось. Мирослав знал о том, что у него есть два двоюродных брата, один в Москве, другой во Владивостоке. Но начинающий автор стеснялся вести с ними переписку, опасаясь, что разбогатевшие за счёт собственного бизнеса кузены просто-напросто его засмеют или не захотят общаться с бедно живущим чудаком.

…Всё проходит, всё изменяется. Год назад к Мирославу приехал один из двоюродных братьев, Владимир Корнев. Он нанёс визит поздно вечером, когда Мирослав уже собирался лечь спать. Громкий стук в дверь заставил вздрогнуть от неожиданности. Что-то в сердце подсказывало: добром это не кончится. Но как не открыть родственнику, который устал с дороги?

– Здоров, кузен! – полноватый мужчина с небольшой бородкой вошёл внутрь и протянул руку. Мирослав подметил, что у забора припаркован крутой джип, правда, он не знал, какой марки, поскольку не интересовался автомобилями.

Мирослав приветствовал Владимира, а тот, осмотревшись, заметил:

– Бедновато живёшь. Ну да ничего, скоро мы это исправим.

От того, как прозвучала эта фраза, пошли мурашки по коже.

– Мне хватает и этого, – произнёс Мирослав. – Раздевайся, проходи, я тебя чаем угощу. Мы же столько лет не виделись!

– Да-а… – протянул Владимир. – За двадцать лет многое изменилось. Теперь-то мы уже не те неразумные пацаны…

Опять фраза была произнесена таким тоном, словно человек сам стремился забыть своё детство.

– Чай, конечно, это хорошо. Но у меня в машине есть несколько бутылок текилы. Хочешь, принесу?

– А что это? – удивился Мирослав незнакомому названию.

– Ну ты, брат, даёшь! Водка такая, если по-простому, – покачал неодобрительно головой Владимир.

– Нет, спасибо, я не употребляю, – отказался Мирослав.

– Тогда понятно, почему не знаешь. Ну ладно, ты тут суетись, а я всё же принесу, не могу с дороги отказаться от крепкого напитка.

Владимир вышел, а щуплый по сравнению с ним Мирослав лишь пожал плечами. Годы изменили того мальчишку, которого он знал когда-то в детстве, пока тот не уехал с родителями во Владивосток. Не было в глазах родственника той весёлости, того задора, который давал возможность насладиться жизнью. Владимир стал совсем другим человеком; как выяснилось позже, он изменился отнюдь не в лучшую сторону.

За чаем они сначала болтали о том, о сём. Затем Владимир не выдержал, налил себе текилы, насыпал соли на ладонь, лизнул, откусил дольку лимона, выпил, закусил солёным огурцом из запасов Мирослава – тот специально открыл одну из заготовленных на зиму банок. После этого разговор перетёк в совсем другое русло.

– Нет, кузен, хватит тебе дворником да грузчиком работать. Я вот никогда до такого бы не опустился, – произнеся эти слова, Владимир рубанул ладонью воздух. – Вот что я хочу предложить. Давай мы переоборудуем часть твоего дома под магазин. Я буду привозить товары, ты их станешь продавать, часть прибыли отдашь мне, остальное всё твоё. Как тебе такое предложение?

Вопреки ожиданиям Владимира, кузен не загорелся этой мыслью.

– Зачем? – непонимающе спросил Мирослав. – Мне и так на жизнь хватает.

– Да что это за жизнь? – Владимир сделал особый жест, как бы обводя руками всю комнату. – Нет, кузен, ты ещё не видел настоящей-то жизни. Решено: завтра же вызываю бригаду строителей, и они сделают такой магазин, какого в этих краях ещё не видели!

В этот момент Мирослав осознал, что кузен уже давно всё решил за него, и спорить с ним бесполезно. Накатила какая-то волна подавленности, безысходности от того, что он ничего не может противопоставить Владимиру – тот даже без согласия брата осуществит задуманное, лишь бы получить прибыль.

Одна из комнат в доме почти всё время пустовала, и там Мирослав хранил нарисованные им картины. Владимир, решив осмотреть дом, даже не обратил внимания на художества, зато сразу заметил:

– Вот эта комната как раз подойдёт под магазин. Вот как мы сделаем: я сегодня переночую, а завтра сделаю один звонок, и сюда приедут строители. А ты пока что барахло лишнее убери.

Судя по тону, Владимир даже не догадался, что рисунки принадлежат Мирославу. Скорее всего, он решил, что брат хранит их как наследие, доставшееся от матери.

Даже слова поперёк вымолвить Мирослав так и не решился, понимая, что брат всё равно сделает по-своему. С какой-то молчаливой обречённостью он принялся перетаскивать холсты в другую комнату, благо, там нашлось для них свободное местечко. «Не ценит у нас народ искусство, – подумалось Мирославу. – Все только о деньгах думают».

Так его жизнь резко изменилась. Теперь он каждый день просыпался не от петушиного звонкого крика в соседском дворе, а от резких звуков дрели. Бригада молдаван-строителей по воле Владимира поселилась прямо в той комнате, где и работала. Пятеро парней тут же превратили помещение чуть ли не в свинарник, и Мирославу оставалось только удивляться, как они могут жить в грязи и пыли. Сам хозяин дома старался со строителями особо не общаться. Владимир уже подсуетился, чтобы его брат больше не числился на унизительной должности дворника, и теперь Мирослав каждый день старался уйти от этого бедлама подальше, как обычно – на природу. Поэтому с утра он, прихватив с

собой немного еды, крепко запирал двери в остальные помещения дома, чтобы молдаване туда не пробрались, и уходил в лес на прогулку.

В первый же день после столь коренного изменения жизни на смену душевной боли пришло вдохновение. Так Мирослав начал писать свой роман, где он несколько изменил смысл произошедшего. Обычный дом стал памятником архитектуры, а вместо магазина решили возвести особняк. Дальше фантазия отправилась в свободный полёт, и за два месяца стройки половина романа уже была готова. Мирослав увлечённо писал о том, как жители его села решили защищать старые здания, не только памятники архитектуры, и добились определённого успеха. Увы, в реальной жизни дело обстояло совсем по-другому…

Но вот молдаване наконец уехали, сдав работу. Мирослав вошёл в комнату… и не узнал её. Теперь вместо ветхих досок на полу лежала красивая узорчатая плитка. Напрочь прогнившие шкафы строители выкинули, на их месте стояли высокие, до побеленного потолка, стеллажи. На стенах они выложили замысловатую мозаику. Вместо лампочки, висевшей на проводе, теперь наверху расположились несколько массивных ламп, мягко светивших сквозь узорчатые плафоны.

Владимир, приехав с очередным визитом и увидев всё это, просто не мог нарадоваться, постоянно хваля строителей. Видимо, последних он очень сильно подгонял, поскольку от соседей по секрету Мирослав узнал, что та же самая бригада почти год делала ремонт в здании почты.

Конечно, комната преобразилась, но вид у неё стал словно какой-то безжизненный. Мирослав совсем не был рад тому, что в этом помещении ему придётся теперь стоять за прилавком до вечера. Но делать нечего, работа есть работа.

Молдаване сделали вход в магазин со стороны двора, пристроив небольшое крылечко. Вскоре завезли первые товары. К удивлению Мирослава, ожидавшего, что магазин будет продуктовый, в коробках оказались канцелярские товары, посуда, сувениры и детские игрушки. «Но ведь всё это не нужно жителям села, ну разве что дети будут приходить», – подумалось Мирославу. Как выяснилось, он ошибся. В первый же день торговли у него приобрели много посуды и различных ручек, бумаг, скрепок и прочей офисной мелочи. Поскольку Мирослав раньше ничем подобным и не интересовался, то он даже и не знал, что у них в

селе уже есть пара юридических офисов и экономических контор.

Но работа удовольствия не доставляла, к тому же, теперь оставалось совсем мало времени для романа. Подступала зима, смеркалось всё раньше, а магазин работал до семи вечера. Кое-какое время удавалось поймать в обед, но вдохновение редко приходило к Мирославу, когда он сидел дома. А на природу ему удавалось теперь выбраться всё реже и реже.

Выпал первый снег. Раньше Мирослав с удовольствием каждый вечер надевал лыжи и отправлялся в тайгу. Теперь такие прогулки он мог совершать только по воскресеньям. Набегавшись как следует, он останавливался где-нибудь в живописном месте, присаживался, доставал из заплечного рюкзака листы и продолжал писать роман, который хотя бы понемногу, но всё же продвигался.

Поначалу Владимир довольно часто гостил у кузена, и всякий раз во время его визитов плюс пара дней после них у Мирослава случался творческий кризис. Ни рукописями, ни картинами кузен так и не заинтересовался, попросту не обращая на них внимания. Что же касается третьего увлечения – пения – то Мирослав уже и забыл, когда в последний раз мог чисто, от всей души что-нибудь пропеть. Работа хоть и приносила больше денег, но практически полностью подавляла творческое начало, в который раз подтверждая, что её название происходит от слова «раб».

Потом гость из Владивостока, убедившись, что торговля идёт полным ходом, и что магазин приносит прибыль, стал приезжать всё реже и реже, в основном лишь для того, чтобы получить полагающуюся ему часть выручки. Мирослав не особо охотно разговаривал с кузеном, поскольку Владимир почти всё время вёл речь только о деньгах. Как-то раз Мирослав попытался уговорить брата, чтобы поторговать немного и книгами, но тот сказал лишь следующее:

– Нет, это в наши времена не даёт прибыли. Неактуальны стали и поэзия, и проза.

Переубедить Владимира оказалось невозможно, он понимал лишь язык цифр и денег, а последние говорили явно не в пользу искусства и культуры.

Единственной радостью в жизни для Мирослава стал его роман, который потихоньку всё же подходил к финалу. К весне автор уже поставил последнюю

точку, но вместе с ней ушла и радость творчества. Роман написан, а сил на что-то новое у Мирослава не осталось. Ведь так происходит со многими настоящими писателями: после долгого труда над произведением наступает затишье, когда выплеснуты все творческие силы, и их невозможно сразу восстановить. Поэтому Мирослав не считал писателями тех, кто умудрялся написать чуть ли не пять романов в год, поскольку с такой скоростью можно писать лишь несерьёзные, развлекательные вещи.

Кроме прочего, терзало Мирослава и одиночество. Однажды он даже написал стих, надеясь, что когда-нибудь встретит свою половинку:

Есть ли призрачный шанс разогреть мою нежность

И почувствовать горенье сердец?

Неужель застилает глаза мне безбрежность,

Та, которой имя «слепец, гордец»?

Да, отвергаю порой позолоту,

Но под ней – та же ржавая чернь,

Ищу крылья, что готовы к полёту,

Не люблю, у кого в душе зверь.

Где же ты, моя милая молния,

Что ударит – и душу зажжёт?

Где мечта, словно яркое полымя?

Нет пока – словно душу под гнёт.

Но я знаю – найду обязательно,

Отыщу вдох неистовой свежести,

И расстелется белою скатертью

Мир моей разгоревшейся нежности!

Иногда то, что написано, сбывается. В мае произошло ещё одно событие, после которого вдохновение вернулось, и появилось желание написать нечто прекрасное.

Гости в село Лазо заглядывали редко, однако иногда всё же останавливались возле живописных уголков, чтобы сфотографироваться или просто погулять на природе. Так уж получилось, что воскресным днём Мирослав неспешно прогуливался вдоль речки Киевка, надеясь, что творческие силы вскоре всё же вернутся. И неожиданно в нескольких метрах от него машина съехала к берегу с дороги, что рассекла таёжный массив неподалёку, и остановилась. Наружу вышла пожилая пара. Они тут же стали фотографироваться на фоне природы. Издалека Мирослав видел, что в салоне машины остался кто-то ещё. В принципе, его не особо интересовало происходящее, до тех пор, пока этот – точнее, эта – «кто-то» не вышла из машины.

Самым примечательным в девушке, явно приходящейся дочерью двум другим, оказались её русые волосы, ниспадающие до пояса, и изящные, но в то же время сильные ступни. Мирослав сразу вспомнил услышанную как-то раз песню группы «Пикник» – «Русы косы, ноги босы».

– Вероника, обуйся, ты же простудишься! – сердито заметил пожилой мужчина, судя по всему – её отец.

– Вот ещё! – со смешком промолвила она. У Вероники оказался приятный, музыкальный голос. – Я закалённая. Вон, к тому же, мужчина тоже не боится простуды, – с этими словами она показала в сторону смутившегося Мирослава. Тот действительно ходил по своей привычке без обуви, ведь на природе, как он считал, нельзя топтать растения грязными ботинками. По сути, только зимой

Мирослав ходил не разутым, а в сапогах, и то иногда закалялся, ступая по белоснежному мягкому ковру босиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/slavich_nikas/put-odinochki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити